

Е. В. КАЗАНЦЕВА
Екатеринбург
ДУХОВНОСТЬ РЕЛИГИОЗНОГО ОПЫТА

Студенчество – это период интенсивного поиска; процесс духовного самоопределения, личной идентичности, выбора личностью образа своего «я», своей профессии и др. В духовном поиске учащейся молодежи надежным помощником может стать И. А. Ильин (1883 – 1954), мыслитель, философ, политолог, культуровед и искусствовед. В своем фундаментальном труде «Аксиомы религиозного опыта» (1) И. А. Ильин обобщил закономерности духовного религиозного опыта мировых религий. Над текстом книги автор работал свыше сорока лет. Содержание книги тщательно продумано. Оно может стать для молодежи основой воспитания духовной культуры вообще, религиозной культуры в частности. Ильин полагал, что любовь к совершенству есть основная сила духа и основное побуждение всякой истинной религиозности. Именно *стремление к совершенству* благотодно и спасительно для юной души в современных условиях резкого понижения уровня ценностей, т. е. пошлости; оно важно для самоопределения, самоактуализации, самовоспитания и самоуправления. В настоящее время утеряна прежняя религиозность и связанная с ней цельность русских людей. Утеряно верное понимание религии, религиозности, нравственности. Чаще всего молодым людям сложно определить, что является нравственным, а что противонравственным. В данной статье рассматриваются некоторые идеи книги «Аксиомы религиозного опыта».

Ильин поднимает проблему о том, что наши поколения должны начать борьбу за *очищение, углубление и обновление* религиозного опыта и излагает аксиомы.

Всякое религиозное верование и религиозное делание имеют в своей основе *особый религиозный опыт*. Каждый из нас призван творить культуру своего религиозного опыта; и прежде всего – осознать, что этот опыт есть человеческий, субъективный, личный. Люди восходят к Богу различными путями; и Бог открывает Себя каждому человеку иначе. Здесь невозможны никакие повторения, несмотря на все взаимодействия и средства: ибо каждый миг жизни бывает только один раз и вливается ручейком в поток личной судьбы раз навсегда.

Все разговоры о «коллективной душе» и «коллективном бессознательном» идут от людей, мыслящих неточно или же испугавшихся своего одиночества. Толпа не имеет единой души, но лишь множество взаимно «заражающихся» и «разжигающихся» душ; именно поэтому нелепо и несправедливо подвергать толпу, коллективные особенности. Нельзя принимать параллельность, одновременность, взаимовлияние и сходство переживаний за их общность, за психическое сращение людей через их бессознательное в единую, сплошную, проходящую душевную субстанцию.

Итак, человеческая религия по переживанию есть состояние субъективной души. Верующий верует, но может долго и бесконечно биться

над тем, чтобы вызвать подобие такой же веры у неверующего. «Моя молитва – есть моя и ничья больше, в этом ничего не изменилось бы даже и тогда, если бы все люди молились вместе со мной о том же самом. Молитва другого не есть моя. Я не мог сегодня молиться, а он молился с вдохновением». Человек, не способный к личному, одинокому боговосприятию, утешают себя предположением, что у «других», у «остальных», у «многих» оно имеется – и, может быть, обманывается и впадает в грустную иллюзию. Ибо на самом деле множество религиозных «мертвецов» имеет Бога не более, а менее, чем один хотя бы и скудно, но самостоятельно верующий человек.

Человек есть по существу живой, *личный дух*; и религиозность есть *состояние духовное*. Человек, по мнению Ильина, не может определять себя как «это тело», или как «это живое тело», или хотя бы как «это душевное тело». Он скоро убедился бы в том, что он этим не постигает своего главного естества. Человеку следует искать себя не среди вещей и объектов, о которых он мыслит, а в «субъективной» глубине, которая сама спрашивает, испытывает, желает, мыслит, воображает и чувствует. А в этой «субъективной» глубине своей человек есть живой личный дух.

Дух есть самое главное в человеке. Каждый из нас должен найти и утвердить в себе свое «самое главное» – и никто другой заменить его в этом нахождении и утверждении не может. Дух есть сила личного самоутверждения в человеке, – но не в смысле инстинкта и не в смысле рационалистического «осознания» состояний своего тела и своей души, а в смысле верного восприятия своей личной самосущности, *в ее предстоянии Богу и в ее достоинстве*. Человек, не осознавший своего предстояния и своего достоинства, не нашел своего духа.

Верное отношение к *Совершенству есть отношение любви и служения*. Поэтому дух можно было бы описать как способность к бескорыстной любви и к самоотверженному служению.

Все эти дары дают человеку способность верно управлять собой и верно строить свою жизнь. Поэтому дух есть сила личного *самоуправления* и первым проявлением ее является *духовный характер* человека.

Сущность религиозного опыта состоит в обращении к Богу, человек испытывает себя «предстоящим», и душа его осязает трепет и благоговение. *Благоговение* есть проявление духовности, дар духа и признак духа. Человек, не знающий этого, лишен духа.

Настоящая религиозность предполагает в человеке чувство предстояния, трепета, благоговения и собственного несовершенства. Человек созерцает Бога; именно от этого в нем возникает чувство *ранга*. Чувство ранга входит в самую сущность религиозного опыта.

Чувство *ответственности* есть вернейший признак духовности. Подобно чувству ранга, чувство ответственности принадлежит к первичным, аксиоматическим проявлениям духовности и религиозности.

Безответственность постыдна и отвратительна во всех областях духа. Неприличен безответственный ученый: он является или болтуном или торговцем истиной. Преступен безответственный воспитатель. Жалок и ядовит

безответственный художник. Тот, кто ищет религиозного опыта, нуждается в неизведанном и закаленном чувстве ответственности, так как он вступает в ту сферу, где обитает и обретается само Совершенство. Воля к совершенству есть *основная сила духа* и основное побуждение всякой истинной религиозности.

Дух есть дар выбора, предпочтения и самоопределение. Этот дар дан в зачатке каждому человеку. Он крепнет и разрастается от пользования им. Дар *свободы* растет в процессе *самоосвобождения*, оно мыслится во всех религиях как *очищение*. Но человек осмелел свою духовность и разложил этим свой религиозный орган. Ему остались только те суррогаты религиозности, которые имеют некоторое «научообразие». Где сокровище человека, там и сердце его, ценность человека определяется ценностью его сокровища. Тот, кто вздыхает о ничтожном, тот сам ничтожен. Религиозный опыт строится, прежде всего, через *личную культуру духовности*.

От Бога исходит духовное откровение, которое должно быть свободно и целно принято человеком. В человеке предполагается *духовная «автономия»*. Религиозная автономия совсем не состоит в том, что каждый человек «произвольно выдумывает себе свою веру» и «вменяет ее себе в закон». Это не автономия, а произвольное и беспредметное злоупотребление ею; это не «самозаконие», а чаще всего – беззаконие и противозаконие. Религиозная автономия состоит не в самозобретении «новой веры», но в той свободе и глубине, в той искренности и цельности, с которой принимает откровение Божие. Автономии духа противостоит его гетерономия или «чужезаконность». Гетерономия есть слепая и пассивная покорность человека человеку в его созерцаниях и деяниях.

Человеческая религиозность не всегда имеет характер личной самостоятельности; бывает «религиозность» и навязанная, вынужденная, но лично не принятая и не осмысленная. Но призвание всякой веры состоит в том, чтобы стать лично принятой, самостоятельной и свободно укорененной. Поэтому всякая власть, - церковная или государственная, конфессионально - связанная или безбожная, - совершает величайшую духовную и культурную ошибку, пытаясь втиснуть религиозную жизнь людей в форму *принудительную*, - все равно, в принудительное вероисповедание, или в принудительное безбожие. Всякое религиозное принуждение повреждает духовность человека и умалчивает силу, искренность и цельность его веры. Вот почему всякая церковь, чтобы жить и крепнуть, должна культивировать свободный и лично – самостоятельный религиозный опыт, воспитывая его в своих приверженцах. Соотношение между автономией и гетерономией может быть определено так: *тот, кто практикует и отстаивает гетерономию, тот признает автономию несущественной или ненужной. И наоборот, кто настаивает на автономии, тот признает гетерономию искаженной и нежелательной*. Восхождение к подлинной религиозности есть или полное преодоление гетерономности, или постепенное вытеснение гетерономности - автономностью.

Ильин, полагал, что «детей необходимо воспитывать к религиозному *самостоянию*. Возможно и необходимо свободное усвоение откровения, писания и предания. Но дитя не может покрыть автономным опытом все,

даруемое ему, содержание Закона Божия; но свободное проникновение его в сердце ребенка должно начинаться немедленно, с первой молитвы, приносимой им в кроватке).

Но если подлинная религиозность человека – его свободная цельная и искренняя обращенность к Богу – есть самоценная и, может быть, высшая цель, то гетерономность представляет для истории величайшую опасность. Человек, приученный к слепому, духовно-некритическому доверию, к авторитарному мышлению и верованию; человек, не приводящий в движение собственную духовную глубину и неспособный к этому вследствие всежизненного уклонения от нее – уподобляется слепому орудию, которым другие люди могут воспользоваться для других, противоположных целей. Верующий должен стоять на своих ногах. Он должен носить в самом себе весь тот духовно-религиозный заряд, который необходим ему, чтобы справиться со всяким страхом, соблазном и искушением. «Религия есть свободное цветение личного духа. Это есть невынужденное, добровольное обращение к Богу», – пишет Ильин.

Вера и религия суть явления духовной свободы; и каждый человек призван свободно восхотеть божественного, свободно уверовать и свободно предаться Богу. Нестесненное, добровольное приятие составляет самую существенную черту или «форму» истинной религиозности потому, что она является актом любви, действием «сердца», а «сердце» есть свободнейшая из сил человеческого духа.

Религия человека не сводится к любви, и не исчерпывается ею: она вовлекает всего человека – и волю, и мышление, и все действия человека, и всю его жизнь. Но она решается любовью и без любви невозможна. «Свести любовь к минимуму – значит почти потушить или совсем угасить его религиозность».

Предмет религии не есть вещи и не становится вещью даже тогда, когда он является человеку, как сокровенная «сила», созидающая вещественный мир. Он не становится вещью и тогда, когда религиозно знаменует себя через вещественные состояния (чудесные исцеления), или когда символически открывает в вещественном миропорядке (в солнечном свете), или когда художественно выражаются во вдохновенных созданиях искусства (храм, икона, скульптура, песнопения, музыка). И для того, чтобы человек мог созерцать религиозный Предмет, любить его и вступать с ним в религиозное единение, он должен растить в себе эту *сверхвещественную* сферу, пребывать в ней, приобретать умение жить и творить в ней. Поэтому настоящая религиозность есть живая воля к предметности: «я призван созерцать и любить Бога, как Он есть во истину; и хочу именно этой правды о самом Боге». Религия есть связь человека с самим Предметом. Религия, утратившая эту религиозную направленность и удовлетворяющаяся «проекцией» или «гипостазированием» человеческих фантазий, есть не религия, а недоразумение.

В человеческой религиозности необходимо различать – *религиозный акт, религиозное содержание и религиозный Предмет*. Ибо каждая религия уверена в том, что она сама связана и связует людей с единым истинным Богом, с

самым религиозным Предметом, каждая религия приписывает себе верный религиозный акт и отвергает чужие, утверждает за собой «истинное» религиозное содержание. Каждый религиозный акт имеет свое душевно-духовное «строение», ибо в нем участвуют определенные душевно-духовные силы; и каждый акт связан с известным религиозным содержанием, природа которого, с одной стороны, определяет собой структуру акта, с другой стороны, сама зависит от его строения. *Акт* есть событие душевной жизни, Он складывается из психических функций: 1) чувства, то есть акт эмоции или пассивного аффекта; 2) чувства воображения; 3) мышления; 4) воли; 5) из всевозможных чувственных ощущений; 6) из инстинктивных влечений. Религиозный акт выражает то, *как* человек верует: сознательно и бессознательно, целно или нецелно, добротой или злобой. Любовью или страхом, пассивно или активно – и какими именно душевными способностями – функциями.

Религиозное *содержание* есть душевное состояние; оно есть личное переживание и не подлечит законам психологии и физиологии. Это есть то, что «взято» и «принято» религиозной душой; то, что медитируется религиозно-настроенным духом; что именно любит в любви к Богу. Это есть то, о чем человек молится, за что и как он благодарит Бога, - это его, осужденные им и облитые слезами грехи; это то, что решила его воля, что он жертвует в своем приношении; это принятое им «славословие», это оформленный догмат. Религиозное содержание всегда переживается лично; но пережитое лично, оно может быть доступно и другим. Религиозное содержание есть то, *во что* человек верует.

Религия начинает разлагаться и гибнуть, когда акт ее слабеет и отмирает. Тогда исчезает «орган» веры, душа религиозно сплывает и в окружающем мраке теряет дверь к религиозному Предмету – к Богу.

Религия есть *живое общение души с Богом, а не с замечающим Его человеком*. Только живая религиозность есть настоящая; она состоит в живом, самодеятельном искании самого Бога, Его света, Его любви, Его откровения: сердечное созерцание человека вступает в сферу Предмета, а Предмет благодатно вступает в душу человека, очищая ее от «всякой скверны» и одухотворяя ее.

Каждый религиозный человек должен быть готов к тому, что ему однажды будет предложен вопрос: «Что привело тебя к вере? Какие основания имеет она? И что следует делать мне, вопрошающему, чтобы увидеть и удостовериться подобно тебе?» А вопрошают именно о *религиозном методе*. Слово «метод» означает по-гречески путь, в переносном смысле способ, средство; это слово употребляется для выражения правил, надлежащих пути («идти верным путем»). Вопрос, который ставит неверующий, имеет, согласно этому, такой смысл: «где путь, ведущий к Богу? что мне делать, чтобы увидеть Его и уверовать в Него?» Весь смысл религиозного «научения» состоит именно в указании этого верного пути к Богу.

Проблема религиозного метода имеет для всякой религии основное, центральное значение: религиозное учение *наставляет людей в методе и человеческая религиозность состоит в осуществлении этого пути*. Смысл

веры, молитвы, созерцательных медитаций, очистительных обрядов и аскезы, богослужения и таинств, сердечного умиления и покаяния, добрых дел и подвигов – в том, что это есть *путь, ведущий к Богу* и к единению с Ним, это есть религиозный метод.

Все основатели великих религий понимали это призвание с самого начала и проповесть их имела не *догматический, а методический характер*: они *говорили людям не о том, «что есть в потустороннем мире» и какова связь между «потусторонним» и «посюсторонним», но преимущественно или даже исключительно о том, как человеку прийти к Богу, как узреть Его совершенство. Великие религии начинали не с метафизики и не с догмата, а с учения о пути (о методе).*

Трудно бывает нерелигиозному человеку понять жизнь религиозной души. Ему кажется, что верующему где-то «изменяет его ум» и «трезвость суждений», что он как будто покидает «главную» и «важную» дорогу жизни, впадает в какие-то «предрассудки» и «суеверия» или включает в свой жизненный опыт такие необычные соображения, «элементы», «факторы», для признания которых нерелигиозный человек решительно не видит никаких оснований. Психологически это беспокойство и раздражение вполне понятны: «я не вижу, а он видит; значит мне чего-то не хватает, а он превозносится надо мной».

Существует весьма распространенным воззрение, согласно которому религиозный человек верует и не сомневается, если же он начинает сомневаться, то это означает, что вера его колеблется, распадается и утрачивается. Такая вера есть что-то вроде прелестной бабочки, которую стоит только спугнуть, чтобы она *безвозвратно* улетела. А сомнение есть именно такая спугивающая сила. Но вера есть *кормчий в буре*; как может она прозябать в теплице? Она есть *источник жизненного бесстрашия*; как может она трепетать от каждого сомнения? Она составляет *глубочайший корень личной жизни*; как же может она уподобиться случайно севшей и легко спугиваемой бабочке?

Религиозное сомнение само по себе «не есть соблазн» и совсем не предвещает «конца религии». Его приход опасен только для беспочвенной и беспомощной «религии настроений»: «спугнутая бабочка» вспорхнет и улетит навсегда. На самом же деле приход религиозного сомнения означает, что пора «невинных» детских снов прошла; что религиозность, сводящаяся к капризной случайности настроений, есть мнимая религиозность; что духовная сила не родится из беспомощности; что пришла пора начинать свое «радиальное» движение к Богу. Сомнение отделяет религиозное «детство», и может быть, религиозное «отрочество» от зрелой поры, *от веры мужественной, крепкой и окончательной.*

Настоящий религиозный опыт состоит в том, что божественно - главные предметы жизни воспринимаются человеком из главного и по главному. Они заполняют его душу своими содержаниями, пронизывают ее до дна своими лучами, слагают в ней новые акты и новую жизнь и возвратно излучаются из нее в мир – в своей неоскудевшей священности и непомершей значимости.

В этом мире все измеряется ценой денег: и любовь (проституция), и покаяние (индугенция) и правосознание (наемные софисты, адвокаты и политики), и искусство (рыночная эстрада и выставки), и свободное слово (продажная пресса). Здесь все решается мнением толпы, одобрением улицы, все направляется расчетом и тщеславием. Такая жизнь, взятая не из главного, родит светскую суету и мещанскую пошлость.

Человек, не умеющий отнестись к самому себе из главного, теряет чувство собственного *духовного достоинства* и перестает уважать самого себя. *Человек, строящий свое отношение к другим не из главного, будет колебаться между унижением и гордыней, впадая то в пошлость «хамства», то в пошлость деспотизма, не уважая никого и не доверяя никому.*

Явление религиозного вырождения – *аутизм*. Это такая жизненная позиция человека, при которой он считает себя и свои настроения, потребности, вкусы, удовольствия, удачи и неприятности – важнейшим делом жизни и *мерилом всяческой ценности*. Бессознательно, в силу неодухотворенного инстинкта самосохранения, – такая установка присуща огромному большинству людей; сознательно – ее осуществляют все «эгоцентрики», эгоисты, корыстолюбцы, честолюбцы... - аутизм уводит людей от религии, ибо религия требует духовности, смирения и самоотречения.

Именно в религии человек ищет окончательного удостоверения и в то же время оказывается особенно беспомощным и растерянным. Чем он ответственнее, тем сильнее его потребность получить «несомнительные подтверждения», проверить и перепроверить, и укрепить свои религиозную очевидность так, чтобы можно было жить ею – творчески и целостно, возводя ее непосредственно к откровению Божественному. И это есть основной дар, за которым он обращается к Церкви.

Человек, прочувствовавший неизреченность Божества, все-таки говорит о Его вездесущи; человек, исповедующий, что Бог – везде и повсюду, все-таки строит Ему храм. Храм есть как бы «земное жилище» неземного Бога. Для христианина – это место обретения Бога через молитву, место единения с Богом через таинство. Мусульманский храм символизирует своим великим куполом единение Бога со своим пророком, и обычно линии его просты, как это мораль, властны, как его вера, изящно-повторны, как стиль Корана. Православные храмы говорят о благом упокоении в любви, о царственном смирении, о тихой молитве, о радости воскресения, о мечте всеединения.

Храм есть сразу молитвенное уединение, где человеку дается возможность внутренне сосредоточиться и возжечь лампу своего духа. Это место божественного достоинства и небесного ранга, место чтения, слова, научения, место святыни, таинства и чуда.

Следующий дар – Писание, Предание и Догмат. Призвание Церкви состоит не только в том, чтобы осуществить, собрать, канонизировать и соблести сквозь века верную и аутентическую запись евангельских событий, слов и дел, но и в том, чтобы открыть верующим и еще не уверовавшим людям доступ к Святому Писанию и научить их верно читать и понимать записанное.

Церковь учит молиться, то есть верно обращаться к Богу и вступать с Ним в то драгоценное единение, которое составляет самую сущность религии. Человек призван жить в обращении к Богу и лучше всего, чтобы это обращение было непрерывно, то есть, чтобы оно не угасало в душе при всех ее земных занятиях.

Это *желание совершенства* совсем не есть проявление самомнения или гордыни, ибо самомнение сказал бы: «это мне легко доступно», а гордыня произнесла бы: «этой мной уже достигнуто».

Духовный рост человека требует от него великого и священного мерила. Надо смотреть не вниз, а вверх (так как по сравнению с дьяволом самый последний человек злодей может показаться самому себе «порядочным человеком»), как бы «вычитая» себя из совершенства Божия и сосредоточиваясь не на том, что я «уже приобрел», а на том, чего мне «все еще не хватает». Это первое правило в обхождении со своей грешностью. Второе состоит в том, чтобы не гасить в себе чувство вины от совершенного деяния, даже и после того, как вина опознана, оплакана и, по-видимому, смыта покаянием.

Страдая, человек вступает на путь духовного очищения и возвращается в Божий луч. И чем скорее грех родит страдание, тем лучше для человека; и чем глубже страдание, рожденное грехом, тем вернее будет преодоление греха.

Живая религиозность невозможна без молитвы. Ибо религиозность есть обращенность души к Богу, и как только это обращение осуществляется, так начинается молитва. Полноценная и полносиловая молитва осуществляется и дается человеку только тогда, когда его обращение к Богу – сосредоточенно, интенсивно, не развлеченно, не расколото, цельно и искренно.

Обряд может справляться внешне, формально, без участия духа и сердца, а следовательно – без подлинной молитвы: ибо внешняя видимость может расходиться с внутренней правдой и оставаться пустой и мертвой. Молитва должна совершаться духом и оставаться на духовном уровне. Настоящая молитва есть некий сердечный жар и духовный свет. Он вводит личную душу в сверхличное Пламя, которое как бы включает в себя лично-возгоревшее сердце. После такой молитвы у человека остается в сердце некий неугасающий уголь духа, который разливает свой свет через внутренние «пространства» личной души и всегда может опять вспыхнуть лично-сверхличным пламенем.

Единение с Богом составляет смысл и цель религиозного деяния. Это то, ради чего человек совершает свое религиозное очищение; то, к чему стремится и восходит религиозный опыт; то, что достигается в свободной, искренней и цельной молитве.

Религиозное единение имеет свои трудности и свои препятствия, но как те, так и другие – не в Боге, а в человеке. Со стороны Божества нет и не может быть препятствия к тому, чтобы открывать себя человеку и чтобы человек воспринимал это откровение. Сущность духовной трагедии состоит в том, что в земной жизни человека обнаруживается неразрешимое, непреодолимое затруднение, которое вызывается не просто его личными свойствами, но самой объективно-сущей природой вещей. Духовная трагедия заложена в

объективном порядке вещей; в основе бытия; в законах природы, обременительных или унижительных для духа; в несоответствии целей и средств; в несогласованности должного и неизбежного; в неустранимости несприемлемого в праведном приятии неосуществимого задания; в препятствии, возлагаемого вину на невинного героя; в неисцелимом мучении от неизменных условий человеческой жизни; в страданиях невинного за вину виновных; в столкновении духа с чужой пошлостью и слепотой; поругании толпы над гением; вынужденном отказе от праведности во имя религиозного призвания. Всюду, где *духовный человек страдает от объективно-неразрешимого конфликта и несет в жизни последствия этой неразрешимости, складывается трагическая ситуация*. Ильин очень точно описывает трагические «ситуации», он дает ответ на вопрос, который многие люди ищут всю жизнь: почему я страдаю? Религия состоит в любви к Богу во всем Его совершенстве и в стремлении к полноте общения с Ним. И вот, с первых же религиозных шагов, с самого начала человек убеждается в своей недостаточности, в своем несовершенстве, составляющем для него главное препятствие. Любовь к Богу пробуждает в нем волю к самосовершенствованию.

В обществе обнаруживается жажда совершенства. Моему поколению принадлежит сложная задача возрождения религиозности в России, понимания религиозного опыта, его Предмета, акта, содержания и метода, очищения, избавления от греха, причин страдания, самоосвобождения и прикосновения к совершенству Божию.

Ильин очень точно и определенно выводит так называемые аксиомы религиозного опыта, с которыми, на мой взгляд, сложно не согласиться. И очень сложно говорить, прав он или нет, так как сложно найти работу такого же масштаба и сравнить ее с работой А. И. Ильина. Тема религиозного опыта настолько обширна, мало разработана в современной философии и очень актуально в данное время.

1. Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта: В 2 т. М., 1993.

В. М. КНЯЗЕВ

Екатеринбург

МЕТАМОРФОЗЫ ЦЕННОСТНОГО СУЖДЕНИЯ

Всякое суждение содержит в себе интенцию оценки, ибо осуществляет его человек, который способен судить – взвешивать на весах справедливости достоверность поступающего в сознании знания. Исходя из этого факта, можно предположить, что содержание любого суждения ценностно и мыслительным действием своим оценивает то, о чем повествует. Конечно, наше суждение о способности суждения оценочно. Мы акцентируем внимание на этой стороне действующей посредством суждения мысли.

Сама способность к суждению есть свидетельство зрелости человеческого мышления. Человек, способный к суждениям, умеет связывать реальность субъекта с реальностью предиката, строить с помощью категорий